

диакон Андрей Кураев

Дары и анафемы

*Что христианство
принесло в мир?*

ПРОСПЕКТ

Андрей Вячеславович Кураев Дары и анафемы. Что христианство принесло в мир? 5-е издание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23397898

© ООО «Проспект», электронная версия книги, 2016; 2016

ISBN 9785392236015

Аннотация

Что изменили две тысячи лет христианства в жизни людей? Что оно дало людям и культуре? Чему помешало? Правили ли священники свою Библию? По какому критерию можно сравнить разные религии? Знаете ли вы о религиозных жестокостях буддистов? Об этом книга профессора, протоиерея Андрея Кураева. Книга для тех, чей скепсис – это повод к поиску. Всем, кто интересуется вопросами философии, религии, истории и культуры.

Содержание

ЧТО ХРИСТИАНСТВО ПРИНЕСЛО В МИР	5
ВСЕГДА ЛИ ПЛОХА ФАМИЛЬЯРНОСТЬ?	9
СВОБОДА СОВЕСТИ: ХРИСТИАНСКИЙ ДАР, ОТВЕРГНУТЫЙ ХРИСТИАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИЕЙ	19
КАК ЧЕЛОВЕК СТАЛ БОЛЬШЕ МИРА	30
СЛЕЗНЫЙ ДАР	36
НЕКОСМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА	48
ХРИСТИАНСКАЯ СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	53
ПЕЙЗАЖ, СВОБОДНЫЙ ОТ ДЕМОНОВ	65
ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ: ПУТЬ К НАУКЕ	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Диакон Андрей Кураев
Дары и анафемы.
Что христианство
принесло в мир?
Издание пятое,
переработанное
и дополненное

ebooks@prospekt.org

ЧТО ХРИСТИАНСТВО ПРИНЕСЛО В МИР

Позади 20 веков истории христианства. Это очень много. Ветхий Завет просуществовал 15 столетий. Новый – уже изрядно больше. Причем это были столетия чрезвычайно быстрого развития человечества. Люди стали другими, изменились их ориентиры, стиль жизни и мысли. Не пришла ли пора религиозной революции? Ну, ладно, пусть не революционного, а вежливого прощания с христианской эрой?

Вопрос вполне законный. Но прежде расставания недурно было бы поинтересоваться: а что именно мы «переросли»? В чем состоял «меседж» христианства? Точно ли именно его надо обозначить кнопкой Delete? То, что тебе не нравится в христианстве, точно ли это именно христианство, а не некая личностно-историческая накипь на нем? И то, что тебе нравится в современной жизни, точно ли не имеет кровного родства с христианством?

И точно ли ты сам ну совсем уж ничем не обязан этим архаичным и древним книгам и держащимся за них «попам»?

Так что же христианство принесло людям? И что из этих даров, принесенных христианством, не устарело?

Эта книга написана не для церковных людей. Она для тех, кто смотрит на христианство со стороны, и смотрит скорее

скептически. Поэтому разговор (по крайней мере в первых главах) пойдет о том, что важно в их системе ценностей. Для светских людей важна культура. А вот для христиан культура является чем-то неглавным. Сравните две фразы: «Троице-Сергиева лавра является центром древнерусской культуры» и «Основатель Троице-Сергиевой лавры преподобный Сергей Радонежский ушел в пустынь для того, чтобы создать центр древнерусской культуры». Первая из них очевидно верна, а вторая столь же очевидно нелепа. И значит, культура вторична по отношению к внутреннему подвигу... И все же сейчас речь пойдет о переменах в культуре.

Но прежде чем начать этот разговор, я вынужден сделать еще одно предупреждение. Христианство раскрывает свою новизну через сопоставление с тем миром, который оно пришло обновить. Нельзя сказать, чтобы весь мир согласился на это обновление. Поэтому языческий мир не остался в прошлом, и сегодня он противопоставляет себя христианству. Хорошим тоном, например, считается высмеивать «нелепости библейских мифов». Что делали в подобной ситуации древнехристианские апологеты? Они совмещали защиту Священного Писания и разъяснение христианской веры с обнажением нелепиц, противоречий и безнравственности в мифах самих язычников.

Правда, древним апологетам было проще вести свою полемику: их современники знали свои мифы, и порой достаточно было лишь намека на самый гнусный из них – и

становилось понятно, что, имея такое бревно в собственном глазу, язычники весьма некстати пустились на поиски сучков в Евангельском оке. Сегодняшние неоязычники сводят язычество просто к «близости к природе» и абстрактному «космизму». Что ж, тем более необходимо показать им, что такое реальное, историческое язычество. Не то, которое они реконструируют по своему вкусу, пользуясь двумя-тремя брошюрками, а то, которое существовало в действительности, которое предшествовало христианству и сопротивлялось Церкви.

Если же ставить задачу ознакомления с реальным, неприукрашенным язычеством, то надо быть готовым к тому, что некоторые, мягко говоря, малопривлекательные вещи вылезут наружу из языческих кладовок. Некоторые цитаты из языческой литературы и образцы языческой мифологии, которые встретятся читателю в этой главе, могут показаться довольно-таки неприличными. Прошу прощения за это у православного читателя, но наши светские современники порой столь тщательно забивают себе и голову, и нос, что им бывает очень трудно объяснить, что вот эта вот штука издает вонь, а не аромат. «Что вы, что вы! Зачем же так нетерпимо, так категорично! Может, это фиалки!» И пока не подведешь их к соответствующей куче вплотную и сапогом не расшевелишь лежащее, они будут твердить свою мантру про «общечеловеческие ценности» и «одинаковую духовность всех религий»¹.

Впрочем, и православному читателю будет полезно сопроводить эту нашу экскурсию, чтобы осознать глубину различий между христианством и язычеством. Ибо ты не будешь иметь верное представление о своем доме, пока однажды не выйдешь из него и не посмотришь на него извне.

Так что же христианство внесло в человеческий дом, а что попробовало выместить из него?

Самые важные устои любой культуры – это сумма представлений человека о себе самом, об истоках и целях своего бытия в мире, о самом окружающем мире и его отношениях с Богом. Вот именно в этом базовом опыте самопознания христианство и произвело наиболее значительные сдвиги.

ВСЕГДА ЛИ ПЛОХА ФАМИЛЬЯРНОСТЬ?

1. Первый дар, принесенный христианством людям, – это право прямого обращения к Богу, право обращаться к Богу на «Ты». Человек вновь обрел то, что Тертуллиан, христианский писатель III в., назвал *familiriatas Dei*, то есть семейственную, дружественную, сердечную близость с Богом (см.: *Тертуллиан. Против Маркиона. 2, 2*).

Нам кажется сегодня естественным, что религиозный человек молится Богу. Но в дохристианском мире Бог мыслился находящимся вне религии. И Богу молиться было нельзя. Молиться надо было Господу.

Слова «Бог» и «Господь» в истории религии отнюдь не синонимы. Самая суть язычества в том, что эти понятия разделяются и относятся к разным религиозным реалиям. Язычник убежден, что первичный бог, Первоначало, не действует в мире.

Общеизвестно, что верховное божество у греков носит имя Зевса. Зевс – владыка мира, «Господь». Но является ли он Богом в высшем значении этого слова, то есть Первопричиной, истоком всякого бытия, Абсолютом? Нет. Прометей именует Зевса – «новоявленный вождь»². Согласно Гесиоду, Зевс – потомственный путчист. Первая диада богов здесь

носит имена Геи и Урана. Гее не по душе постоянные роды, и однажды Гея, спрятав сына Крона в то место, через которое он явился на свет, «дала ему в руки серп острозубый и всяким коварствам его обучила. Ночь за собою ведя, появился Уран, и возлег он около Геи, любовным пылая желанием, и всюду распространился кругом. Неожиданно левую руку сын протянул из засады, а правой, схвативши огромный серп острозубый, отсек у родителя милого член детородный и бросил назад его сильным размахом» (*Гесиод*. Теогония. 174–181). Кронос-Время, однако, имеет привычку пожирать своих детей («всепожирающее Время»). И когда рождается Зевс – настает время мести...

Как видим, «господство олимпийских богов основывается на целом ряде богоубийств. <...> Те боги, от которых произошли боги греков, – суть отошедшие, недействительные... Зевс есть отец всех бессмертных, лишь поскольку он отцеубийца. <...> И память об этом несуществующем, раздробленном боге (Кроносе) всегда стоит между богами, препятствуя их поглощению в единстве Зевса»³.

Аналогичные скелеты в шкафу были и в преданиях других народов.

Шумеро-вавилонская поэма «Энума Элиш» рассказывает о том, что первичный бог «Апсу первобытный, создатель» оказался магически усыплен своим потомком, богом Эа, и также претерпел кастрацию (от богини Мумму)⁴.

У хеттов этот же миф о том, как изначальный бог был ли-

шен своей творческой мощи и был отстранен от дел, звучит так: «Прежде, в минувшие годы, был Алалу на небе царем. Алалу сидел на престоле, и даже бог Ану могучий, что прочих богов превосходит, склоняясь у ног его низко, стоял перед ним, словно кравчий, и чашу держал для питья. И девять веков миновало, как царствовал в небе Алалу. Когда же настал век десятый, стал Ану сражаться с Алалу, и он победил его Ану, и Ану воссел на престоле... Когда же настал век десятый, стал с Ану сражаться Кумарби, Кумарби, потомок Алалу. Кумарби его настиг, схватил его за ноги крепко, вниз с неба он Ану стащил, и он укусил его в ногу и откусил его силу мужскую, и стала, как бронза, литьем она у Кумарби во чреве»⁵.

То же происходит в угаритской мифологии: Ваал, представляющий четвертое поколение богов, с братьями атакует небесный дворец Эля, устраняет его и, очевидно, кастрирует (миф эвфимистически говорит: «Нечто упало на землю»). Очевидно, травма слишком тяжела, и Эль (от этого древнего семитского имени – *Аллах* у мусульман и *Эль, Элоах, Элогим* как имена Бога в Библии) уже не может быть прежним. Даже когда в мифической истории Ваал на некоторое время устраняется следующим богом (Мотом, союзником Эля), Эль отказывается вернуться на престол. Вновь захватив власть, Ваал требует, чтобы Эль удалился к истокам мироздания – к истокам рек и к пропастям земным⁶.

Язычники убеждены, что миром правит не Бог. В языке-

ском богословии «Господь» не является изначальным богом, а изначальный Бог, оттесненный от дел, становится праздным богом (*deus otiosus*) и перестает быть «Госпо-дом», Правителем. Даже его имя постепенно забывается (Овидий, рассказывая о начале космоса, так говорит о Творце: «Бог некий – какой, неизвестно...» [*Овидий. Метаморфозы* 1, 32]).

Высший бог или недостижим, или бессилен, или вообще покоится в бездействии. Даже если его не свергли, – он сам не интересуется нашим миром, ибо мы слишком ничтожны, и он делегирует управление миром людям духам низшей иерархии... Миром правят частные и многообразные «Господа» – узурпаторы или «наместники». Каждый из них правит своим «уделом». Подвластным им людям надо уметь выстроить отношения с этими господами, и не стоит тешить себя иллюзией, будто наши молитвы может услышать кто-то другой, Высший и Изначальный...

И вот на этом фоне вдруг звучит проповедь Моисея: Эль вернулся! Тот, Кто создал мир (Элогим – Быт. 1, 1), Тот, кто был Богом покоя (Богом субботы), вошел в историю людей. Он не утратил Своей силы, и Он не забыл Свое создание. *Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? Но если бы и она забыла, – то Я не забуду тебя!* (Ис. 49, 15).

Это главная новизна дерзкой и радостной проповеди израильских пророков: «Бог есть Господь». Тот, Кто ведет нас по дорогам истории, – Тот же, Кто нас создал. И Тот, Кто

нас создал, есть Высший и Первоначальный. Нет Бога выше Господа. И нет иного Господа, кроме Бога. *Да познает народ сей, что Ты, Господи, Бог* (3 Цар. 18, 37). *Блажен народ, у которого Господь есть Бог* (Пс. 143, 15). Ибо именно Эль (Элохим, Элоах) – Господь, то есть субъект Завета с людьми, и создал небо и землю...

То, что первоначально было удивительной привилегией одного народа, – право прямого общения с Наивысшим – Апостолы распространили на всех людей. Это было настолько неожиданно, что даже гностики, околохристианские еретики первых веков нашей эры предпочитали называть Христа Спасителем, но не Господом, ибо последнее имя отождествлялось у них с тираном и узурпатором (см.: *свт. Ириней Лионский. Против ересей. 1, 1, 3*).

Более того, оказалось, что Бог пришел к людям не в поисках рабов, а в поиске друзей. Аристотелю кажется очевидным: «Дружба с богом не допускает ни ответной любви, ни вообще какой бы то ни было любви. Ведь нелепо услышать от кого-то, что он „дружит с Зевсом“» (Большая этика. 1208 b 30). Апулей приписывает Платону столь же безнадежный тезис: «Никакой бог с человеком не общается... не утруждают себя высшие боги до этого снисхождения» (О божестве Сократа, 4–5). Но суровость философов была растоплена евангельской милостью: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями» (Ин. 15, 15).

Если языческие народы позволяют себе обращаться к высшему небесному божеству только «как к последней надежде во времена самых страшных бедствий»⁷, то христианам было даровано право повседневного общения с Ним. К Творцу галактик мы обращаемся с просьбой о ежедневном хлебе...

Одного студента сокурсники, увлекшиеся модными «целительско-харизматическими» сектами, допытывали: «Вот у нас на наших собраниях такие дивные чудеса творятся! У нас пастор только пиджаком махнет – и такой мощный дух входит в людей, что они целыми рядами валятся в покой во Святом Духе! А у вас, в вашей так называемой православной церкви, разве есть что-нибудь подобное?! Да разве у вас бывают чудеса?!» Студент, хоть и вырос в верующей семье, однако всерьез к вере не относился. Не отрекался от веры, но и не воспринимал всерьез. Все же эти непрестанные наскоки в конце концов «достали» его. И на каникулах, приехав в родное село, он пристал к матери: «Мам, ну ты у нас главная церковница: ни одной службы не пропускаешь. Вот ты мне и скажи: а сегодня в нашей Православной Церкви разве бывают чудеса?.. Нет, нет, ты про себя расскажи. Вот в твоей, лично в твоей, жизни чудеса бывали?!» Мать задумалась, а затем говорит: «Ну конечно. Вот этой осенью со мной было прямо настоящее чудо. По радио на следующую ночь заморозки пообещали, а у меня еще картошка была не выкопана. И я с утра пошла картошку копать... Ну вот, поработала

сколько было сил, распрямляюсь, смотрю, а солнышко уже садиться начало. Полдень-то уже прошел, а я еще и трети огорода не убрала. И тут я в сердцах Господу и взмолилась: “Господи, ну Ты же знаешь, что мне без этой картошки зиму не пережить! Ну помоги мне, пожалуйста, ее убрать до вечера, до мороза!” Сказала эту молитовку и снова – носом в грядки... И представляешь, еще солнышко не село, а я всю картошечку-то собрала!»

Это действительно чудо. Но порождено оно глобальным чудом христианской веры: к Владыке всех миров самая простая крестьянка может обращаться с ходатайством о том, чтобы Он (Абсолют!!! Тот, при мысли о Котором немеют философы!!!) помог ей собрать ее картошку...

На вопрос Данте: «Я поднял глаза к небу, чтобы увидеть, видят ли меня?» – христианство ответило: «Да, Небеса не слепы. С высот Вечности человек различим. Более того – именно его судьбы находятся в “зенице ока” Мiroдержца (см.: Втор. 32, 10). Даже *sub specie aeternitatis* (“под знаком вечности”) человек не теряется»⁸.

Христианство в Боге увидело Отца. Не холодный космический закон, а любящего Отца. Отец же не убивает сына за первую разбитую чашку, но хочет защитить своего сына.

Эта уверенность христиан в том, что люди не безразличны для Бога, была непонятна древним язычникам. Во II в. языческий философ Цельс так излагал свое возмущение по поводу христианской веры: «Род христиан и иудеев подобен

лягушкам, усевшимся вокруг лужи, или дождевым червям в углу болота, когда они устраивают собрания и спорят между собой о том, кто из них грешнее. Они говорят, что Бог нам все открывает и предвозвещает, что, оставив весь мир и небесное движение и оставив без внимания эту землю, Он занимается только нами, только к нам посылает Своих вестников и не перестает их посылать и домогаться, чтобы мы всегда были с Ним. <Христиане подобны> червям, которые стали бы говорить, что есть, мол, Бог, от Него мы произошли, Им рождены, подобные во всем Богу, нам все подчинено – земля, вода, воздух и звезды, все существует ради нас, все поставлено на службу нам. И вот черви говорят, что теперь, ввиду того, что некоторые среди нас согрешили, придет Бог или Он пошлет Своего Сына, чтобы поразить нечестивых и чтобы мы прочно получили Вечную Жизнь с Ним» (*Ориген. Против Цельса. IV, 23*).

Те же аргументы слышим мы и от неоязычников: теософы, в иные минуты столь горделиво именующие самих себя «богами», вдруг становятся странно смиренны именно в этом вопросе. Они говорят, что человек и Вселенная несоизмеримы, что человек и Земля не могут быть предметом внимания вселенского Разума. А потому – «нужно приучить сознание к малым размерам Земли»⁹ и осознать, что мы можем общаться только с «планетарным логосом», только с тем духом, который «проявлен» на «нашем плане»...

Верно – человек и Вселенная несоизмеримы. Но в другую

сторону. Как соизмерить человека и Млечный Путь? Линейкой геометра человека не измерить. Человек занимает меньше пространства, чем слон. Но онтологически человек существеннее слона. Гора занимает больше места, чем человек. Но именно через историю человеческой мысли, а не через историю вулканов проходит ось эволюции Вселенной. Разве размеры бриллианта соизмеримы с теми шахтами, из которых их выкапывают? Но человек – это существо еще более редкое, чем бриллиант.

И вот именно эту радость своей найденности, нелишности, замеченности, признанности – крадет неоязыческая теософия. Высшее Божество, в соответствии с ее учением, не является ни Создателем (Творцом), ни Вседержителем, ни Спасителем. Оно вообще не думает, не действует...¹⁰ Миром правят «дхиан-коганы»... И теософы спешат разъяснить «сироте»¹¹ его статус: твой папа – на самом деле не папа, а так, случайный любовник твоей матери, и вообще он никакой не летчик, а грузчик из соседнего винного магазина... Тот, Кого ты полюбил, не Бог. Так себе – элохим, «низший ангел»¹².

На этом фоне понятна та радость, что переполняет христианского философа III в. Климента Александрийского: «Для нас вся жизнь есть праздник. Мы признаем Бога существующим повсюду... Радость составляет главную характеристическую черту Церкви» (*Климент Александрийский*).

Строматы. 7, 7 и 7, 16).

Римский философ Цицерон полагал, что люди живут в космосе подобно мышам в большом доме – наслаждаются его великолепием, хотя оно предназначено отнюдь не для них¹³. Но не таково суждение христиан: «Мы не должны ничего ставить выше Христа, так как и Он выше нас ничего не ставил» (свт. Киприан Карфагенский¹⁴). «Нет у Него никакого другого дела, кроме одного – спасти человека» (*Климент Александрийский. Увещание к язычникам. 87, 3*).

И более того – христианство возводит человека от статуса раба Божия к слуге и через ступень сына – к брату Божию. Это путь «братосотворения к Богу» (adelfopoïhsia h pros ton Xriston) (Вопросы Моисея Скиянина. 31, 3)¹⁵.

СВОБОДА СОВЕСТИ: ХРИСТИАНСКИЙ ДАР, ОТВЕРГНУТЫЙ ХРИСТИАНСКОЙ ИНКВИЗИЦИЕЙ

Христианство вернуло людям серьезное отношение к своему мировоззренческому и религиозному выбору и отстаивало их право на выбор.

Языческий мир встретил христианство устало-разочарованной репликой Понтия Пилата: «Что есть истина?» Римский чиновник не ждал ответа: он был убежден в том, что ответа на его вопрос быть вообще не может. Он не желал продолжения разговора на тему, которая казалась недостаточно серьезной, чтобы привлекать внимание образованных и деловых людей...

А затем в течение еще трехсот лет этот сюжет будет повторяться вновь и вновь. Христианская проповедь – возмущение язычников дерзкой самоуверенностью христиан – арест – увещание к рассудительности – отказ от произнесения примиряющих слов («Вы правы. Я не то хотел сказать!») – казнь...

То, что было для христиан самым радостным в их новой вере, – именно это было самым возмутительным в глазах остальных. Христиане радовались, что они нашли Бога. Не

семейного гения, не племенного божка, не подполковника «космической иерархии», но – Абсолютного Бога. В христианстве Абсолют, Первоединое, Первопричина, Первоисток, Бог, Господь и Спаситель – Одно. «Отец вернулся!!!»

На этот радостный крик соседи умудренно отвечали: «Да быть такого не может. С Отцом общаться нельзя вообще. И потом, если бы Он и вернулся, Он это сделал бы иначе. Во-первых, Он пришел бы не к вам, презренным евреям, а к нам, благородным римлянам. Во-вторых, Он это сделал бы с триумфом, подобным тем торжествам, что устраивают наши императоры, возвращаясь домой с войны. И уж конечно, Он не дал бы Себя распять. Не может быть Владыкой Вселенной Тот, Кто даже похоронен был в чужой могиле!»

Но христиане помнили предупреждение ап. Павла: *Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу; ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно, и вы имеете полноту в Нем, Который есть глава всякого начальства и власти* (Кол. 2, 8–10). Вот так: Тот, Кто был распят по решению не самого высокого римского чиновника, *есть глава всякого начальства и власти*. В Том, Кто не смог даже Свой Крест донести до места казни без посторонней помощи, *обитает вся полнота Божества телесно...*

Христиане раздражали язычников своей дерзкой самоуверенностью, парадоксами своей проповеди. Но главное –

своим отказом чтить святыни других религий. От христиан не требовали отречения от Христа. От них требовали признания других религий и хотя бы формального соучастия в ритуалах этих религий¹⁶. Ведь если дать каждому человеку возможность самому творить свою религию, то исчезнет духовная скрепа империи. Должны быть общенациональные ритуалы (хотя бы культ императора). Даже Цицерон, который совершенно не верит в богов, не допускает свободы гражданина от обязанностей, накладываемых государственным культом: «Никто не должен иметь отдельных богов, никто не должен почитать частным образом новых богов или пришлых, если они не приняты государством» (*Цицерон. О законах. 2, 8*).

Кроме того, все же нельзя быть твердо убежденным в том, что олимпийских богов нет. А потому лучше не провоцировать их гнев. Боги ведь не будут разбираться, по чьей именно вине им стали меньше приносить жертв в таком-то городе или такой-то провинции. Свой гнев в виде засухи или извержения вулкана они нашлют на всех... Так почему же за нечестие одних («безбожных» христиан) должны страдать все? «Таким образом они навлекут осуждение богов как на себя, так и на тех, кто лучше их, но допускает, чтобы они все это делали и всё государство подвергалось участи нечестивых людей» (*Платон. Законы. 910 b*). Во избежание общей беды Платон предлагает устроить тюрьму под названием «софронистерий» – «дом, где приводят в разум», куда люди, отка-

зывающиеся поклоняться государственным богам, должны быть заключены «не меньше, чем на пять лет» (Там же. 10, 908 e)¹⁷. «Попросту говоря, вот какой закон должен касаться всех: пусть никто не сооружает святилищ в частных домах» (Там же. 909d). Поздний ученик Платона Ямвлих уже в христианскую эпоху советует: «Тем, кто задает вопрос, есть ли боги, и, по-видимому, сомневается в этом, не следует отвечать как людям, а надо преследовать их как диких зверей» (Юлиан. Против Гераклия. 20)¹⁸.

Но для христиан было немыслимо, узнав Единого и Изначального Бога, поклоняться былым узурпаторам-«господам». Представьте человека, который годами ждал встречи с любимой женщиной, уже отчаялся и даже почти перестал мечтать о ней... И вот она появляется на пороге его дома и признается в любви – а он отвечает ей: «Ну ты пока присаживайся, осмотрись и обожди немножко: я тут пока журнал фотомоделей долистаю...» Вот как немыслимо такое поведение для влюбленного, так же невозможно оно и для того, кто любит Христа: «Кто мне на небе? и с Тобою ничего не хочу на земле» (Пс. 72, 25).

И империя начала преследования христиан, требуя от них терпимости. Христиан ослепляли, требуя от них «широты взглядов». Христиан запрещали, требуя: «Запрещено запрещать! не смейте своим адептам запрещать молиться нашим богам!»

Христиане же предложили различать терпимость идей-

ную и терпимость гражданскую. У людей должно быть право на несогласие, на дискуссии, на резкую оценку противоположных взглядов. Но государству не следует вмешиваться в эти споры – ибо «по человеческому праву... каждый может почитать то, что он хочет... и одной вере несвойственно притеснять другую, так как жертвы требуются от духа волящего» (*Тертуллиан. Послание к Скапуле. 2, 2*). Как позднее скажет русская поговорка: «Невольник – не богомольник»... «Весьма далеки друг от друга пытки и благочестие» (*Лактанций. Божественные установления. 5, 19, 17*). «Не следует прибегать к насилию и несправедливости, так как религия не может подвергаться принуждению. Дело нужно решать скорее словами, чем плетью, чтобы было место доброй воле» (Там же. 5, 19, 11). «Мы никого не удерживаем против его воли, ибо Богу бесполезен тот, кто лишен веры» (Там же. 5, 19, 13). «Религию следует защищать, не убивая, а умирая, не жестокостью, а терпеливостью, не преступлением, но верностью. Ибо если ты хочешь защищать религию с помощью кровопролития, пыток, злодеяний, то в таком случае ты ее будешь не защищать, а осквернять и бесчестить. Ибо ничто столь не добровольно, как религия. Если душа отказывается от жертвоприношений, то религия уже убита, ее уже нет. Стало быть, правильно, что религию следует защищать терпением и даже смертью, ибо в ней хранится верность. Каким образом Бог сможет возлюбить Своего почитателя, если Сам не любим им, или каким образом сможет Он дать моляще-

муся то, что тот просит, если тот молит не от души и без почтения?» (Там же. 5, 19, 22–24).

Этот опыт гонений очень важен для истории и самопонимания христианства: придя к власти, христиане, к сожалению, быстро забыли свои собственные призывы к веротерпимости. Всего через 60 лет после соединения христианства с государственной властью Римской империи произошла первая казнь еретика...¹⁹ Увы, «языческие понятия об отношениях религии к государству оказались во много раз живучее самого язычества»²⁰, а потому и в христианском мире оказались возможны слова, призывающие к убийствам: «Люди у нас простые, не умеют по обычным книгам говорить: таки вы о вере никаких речей с ними не плодiti; токмо для того учинити собор, чтоб казнить их и вешати» (*Архиеп. Геннадий Новгородский*)²¹.

Но все же для столь консервативного института, как Церковь, было невозможно полностью забыть суждения древнейших святых Отцов, восстававших против любого насилия в области религии. И поэтому полемика о том, должно ли государство признавать свободу совести, вспыхивала вновь и вновь – и причем даже «диссиденты» могли использовать общеавторитетные христианские источники (сторонники свободы совести ссылались на Евангелие и древнейшие христианские авторитеты поры Церкви Гонимой; противники – на Ветхий Завет и на позднейшие примеры вре-

мен Церкви Господствующей).

Более того – каждый раз, когда христиане становились гонимыми в той или другой стране, они начинали повторять аргументы первых апологетов. Но, увы, едва лишь христиане чувствовали возможность власти, в их голосе столь же неизменно снова слышались стальные интонации... Чудовищнее всего этот перевертыш наблюдать в современной России: уцелевшие от меча пытаются перехватить меч, чтобы самим обрушить его на голову мыслящих иначе... И практически никем из церковных проповедников не предлагается увидеть в тех неслыханных гонениях, которые наша Церковь пережила в XX в., расплату за те гонения и призывы к гонениям, которыми были полны ее же история и ее издания в предшествующие столетия (ибо даже из уст Святых и даже в XIX в. раздавались призывы ввести смертную казнь для проповедников атеизма)...

Итак, требование свободы совести – это дар, который христианские мученики принесли в жизнь людей. Увы, это был тот дар, от которого потом неоднократно отрекались христианские же иерархи. И все же: «Можно быть недовольным Церковью за то, что она позже стала злейшим врагом терпимости, но не надо забывать, что она объявила ее прежде всех»²².

Именно Христос произнес формулу, впервые в истории разделившую религиозное и племенное: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Эти слова вызвали подлинное

изумление. Чтобы понять Его, прочитаем полностью этот фрагмент: «Тогда фарисеи пошли и совещались, как бы уловить Его в словах. И посылают к Нему учеников своих с иродианами, говоря: Учитель! мы знаем, что Ты справедлив, и истинно пути Божию учишь, и не заботишься об угождении кому-либо, ибо не смотришь ни на какое лице; итак скажи нам: как Тебе кажется? позволительно ли давать подать кесарю, или нет? Но Иисус, видя лукавство их, сказал: что искушаете Меня, лицемеры? покажите Мне монету, которою платится подать. Они принесли Ему динарий. И говорит им: чье это изображение и надпись? Говорят Ему: кесаревы. Тогда говорит им: итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. Услышав это, они удивились и, оставив Его, ушли» (Мф. 22,15–22).

Понятно, чем пытались фарисеи «уловить» Иисуса: если Он скажет, что подать платить надо, – они разгласят по Иудее, что Иисус – коллаборационист, что Он не несет Израилю освобождения, а значит, не является Мессией... Если же Он скажет, что платить дань империи не надо, то фарисеи известят об этом бунте римскую администрацию, а та положит конец существованию проблемы по имени Иисус.

Решение Христа удивительно точно. Он просит дать Ему монету, которой платится подать... Дело в том, что монет в Палестине ходило две. Евреи добились от Рима важной уступки: им было разрешено чеканить собственную монету. Евреи соглашались пользоваться римской монетой в обыч-

ной торговле. Но было одно пространство, куда они не могли допустить римские деньги. На римских монетах были изображения богов (и олимпийских, и земных – императоров). Надписи на этих монетах гласили, что императоры – боги. Таким образом, каждая монета была и карманным идолом, и языческой декларацией. В Храм же ничто языческое не могло быть внесено. Но подать в Храм приносить надо. Жертвенных животных приобретать надо. На нечистые же деньги нельзя приобрести чистую жертву...

Евреи, очевидно, достаточно доходчиво объяснили римским властям, что если им не будет разрешено чеканить свою монету, имеющую хождение в храмовом пространстве, то народ взбунтуется. Римская империя была достаточно мудра, чтобы не раздражать покоренные ею народы по мелочам... Так в Палестине продолжали выпускаться свои монеты (священные полусикли; см.: Лев. 5, 15; Исх. 30:24). И те самые менялы, что сидели во дворе Храма, как раз переводили светские, нечистые деньги в религиозно-чистые.

Итак, Христа спрашивают о том, надо ли платить налог Риму. Христос же просит показать – какими деньгами уплачивается этот налог. Ему, естественно, протягивают римский динарий. Следует встречный вопрос: «Чье это изображение и надпись?» Этот вопрос является решающим потому, что по представлениям античной политэкономии правитель был собственником земных недр и, соответственно, всего золота, добываемого в его стране. И значит, все монеты счита-

лись собственностью императора, лишь на время одолженной им своим подданным. Значит, монета и так принадлежит императору. Почему бы тогда не вернуть ее владельцу?

Итак, первичный смысл ответа Христа ясен: храму надо отдать храмовую монету, а Риму – римскую. Но если бы Спаситель ответил именно этими словами – то этим бы смысл Его ответа и ограничился бы... Однако Господь отвечает иначе: «Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу». Тем, кто не держал в руках римские динарии, дерзость и глубина этого ответа непонятны. Дело в том, что на динарии императора Тиберия (в ту пору правившего Римом) была надпись *Tiberius Caesar Divi Augusti Filius Augustus Pontifex Maximus* (Тиберий Цезарь, сын божественного Августа, Август, верховный понтифик (то есть есть верховный жрец)). Истинный Сын Божий держал в руках монету, на которой было написано, что сыном бога является император...

Тут или-или. Или Христос есть Путь (Ин. 14, 6), или император – мост (понтифик означает мостостроитель; тот, кто строит мост между миром богов и миром людей). Или Христос является единственным Посредником между Богом и человеком (1 Тим. 2, 5). Или таким посредником является царь. Монета утверждает, что император – сын бога и сам обладает божественным статусом и достоин божественного поклонения... Так что в этом случае должны были бы означать слова «отдайте Богу богово»? Да, благоверный римлянин должен был бы эти слова отнести к динарию и к импе-

ратору. Но Христос очевидно не в этом смысле сказал эти слова. Он противопоставил Бога, истинного Бога и императора. Отныне государственная власть была десакрализована. Император – не бог. Ему могут принадлежать деньги, но не совесть.

Христиане, не понимающие своего Христа, поступающие против Его слова... Это стало привычным в последующих столетиях. Что ж, это не стало неожиданностью для вдумчивых христиан: «Венец терновый, возложенный на Его голову, символизировал, что соберет Он народ себе божественный из преступников. Венец же означает стоящий вокруг Него народ. Мы, будучи лишены справедливости до познания Бога, были терниями, то есть злодеями и преступниками, не ведая, что есть благо; и, будучи далеки от понятия справедливости и [добродетельных] поступков, были осквернены злодеянием и произволом. Мы, вырванные из терновника и колючек, опоясываем святую голову Бога, поскольку призваны Им» (*Лактанций*. Божественные установления. 4, 26, 21–23).

КАК ЧЕЛОВЕК СТАЛ БОЛЬШЕ МИРА

Христианство позволило людям иначе взглянуть на самих себя. Важнейшая перемена в человеческом самопонимании связана с тем, что христианство отказалось от одного, казалось бы, самоочевидного тезиса языческой философии. С точки зрения язычества человек – часть природы, «микросм». Человек – это «микросм», малый мир в мире большом – «макросмосе». Свящ. Павел Флоренский эту мысль выразил так: «Человек – это сокращенный конспект мироздания»²³. Микросмос – это маленькая действующая модель вселенной. На этом убеждении строятся астрология и алхимия, китайское иглоукалывание и тибетская медицина...

И разве можно считать иначе? Вон и поныне даже популярные песенки поют – «Мы – дети Галактики» (несколько, впрочем, не задумываясь над тем, знает ли Галактика о том, что у нее появились дети)...

Действительно, ведь в человеке есть все, что есть в мире... «Само сердце – малый сосуд, но там есть все», – говорит преп. Макарий Египетский²⁴. Но этого мало сказать о человеке. Христианство смогло пойти наперекор очевидности. Византийские богословы возвестили, что человек ско-

рее есть «макрокосм», помещенный в «микрокосм». «Человек – великий мир в малом» (*Свт. Григорий Богослов*)²⁵, то есть, если вернуть переводу греческое звучание, – «макрокосм в микрокосме».

И точно так же будет говорить спустя тысячу лет святитель Григорий Палама: «Человек – это большой мир в малом, является средоточием воедино всего существующего, возглавлением творений Божиих»²⁶. В этом величайший православный оптимист (а разве не предельный оптимизм – убежденность святителя Григория Паламы в том, что мы можем прикоснуться к самому Богу, к Его нетварному Свету?!) единоклубен с самым большим пессимистом Ветхого Завета – Экклезиастом. «Все соделал Он прекрасным и вложил мир в сердце их», – говорит Экклезиаст о вселенной²⁷, вложенной в сердце каждого человека (Эккл. 3, 11).

Человек – макрокосм потому, что, вбирая в себе все, что есть в мире, он несет в себе еще нечто, чего весь мир вместить не может и чего не имеет: образ Божий и Божественная благодать, благодатное Богосыновство, разум, личность, совесть... «Смотри, каковы небо, земля, солнце и луна: и не в них благоволил успокоиться Господь, а только в человеке. Поэтому человек драгоценнее всех тварей, даже, осмелюсь сказать, не только видимых, но и невидимых, то есть служебных духов»²⁸.

Свт. Григорий Нисский также вступает в полемику с

язычниками по этому вопросу: «Язычники говорили, что человек есть маленький мир (микрокосм), составленный из тех же стихий, что и всё. Но, громким этим именем воздавая хвалу человеческой природе, они сами не заметили, что почитали человека свойствами комара и мыши. Ведь и комар с мышью суть слияние тех же четырех стихий... Что ж великого в этом – почитать человека подобием мира? И это когда небо преходит, земля изменяется, а все содержимое их преходит вместе с ними, когда преходит содержащее? Но в чем же, по церковному слову, величие человека? Не в подобии тварному миру, но в том, чтобы быть по образу природы Сотворшего» (*Свт. Григорий Нисский. Об устроении человека, 16*).

Посему и советует святитель Василий Великий: «Убегай бредней угрюмых философов, которые не стыдятся почитать свою душу и душу пса однородными между собою»²⁹.

Человек возвышается над миром потому, что не все в человеке объяснимо из законов того мироздания, в которое погружено наше тело и низшая психика. Не все в нас родом из мира сего. А потому не все имеет общую с ним судьбу. Оттого «я никак не проповедую языческое единение с природой, впитывания в нее. Природа смертна – мы ее переживем. Когда погаснут все солнца, каждый из нас будет жить»³⁰. «Как поразительно жить среди богов, зная, что самый скучный, самый жалкий из тех, кого мы видим, воссияет так, что сейчас мы бы этого и не вынесли; или станет немыслимо, невооб-

разимо страшным... Вы никогда не общались со смертным. Смертны нации, культуры, произведения искусства. Но шутим мы, работаем, дружим с бессмертными, на бессмертных женимся, бессмертных мучаем и унижаем»³¹. «Церковь переживет вселенную... Мы сохраним в вечности свою сущность, вспоминая галактики, словно старые сказки»³².

Это то самое в христианстве, что еще во II в. языческий собеседник Минуция Феликса определил как самое абсурдное: «Двукратная нелепость и сугубое безумие – возвещать гибель небу и звездам, которые мы оставляем такими же, какими застали, а себе, умершим, сгинувшим, которые как родимся, так и погибаем, обещать вечную жизнь!» (*Минуций Феликс*. Октавий. 11). Столетьем позже величайший греческий языческий философ Плотин бросал христианам тот же упрек: «Вот что абсурдно: эти люди, имеющие тела, какие обычно есть у людей, с душой, наполненной желанием, скорбями, гневом, претендуют на контакт с умопостигаемым; но если речь идет о солнце, то они отрицают, что это светило обладает силой гораздо более свободной от страсти, чем наша. Они думают, что даже самые злые люди имеют бессмертную и божественную душу, а целое небо, с его звездами, бессмертной душой не обладает!» (*Плотин*. Эннеады. 2, 9, 5, 1–10).

Но христиане с древности и по сию пору убеждены в том, что люди, все мы, каждый из нас – бессмертнее мира, старше мира. Старше не потому, что созданы раньше вселен-

ной, а потому, что люди избраны Богом и замыслены Им как носящие право первородства во вселенной: «До сотворения космоса были мы рожденные в Самом Боге по причине того, что нам предстояло возникнуть» (*Климент Александрийский*. Увещание к язычникам. 1, 6, 4).

И потому в XVII в. Паскаль мог воскликнуть: «Человек – всего лишь тростинка, самая слабая в природе, но это тростинка мыслящая. Не нужно ополчаться против него всей вселенной, чтобы ее раздавить; облачка пара, капельки воды достаточно, чтобы его убить. Но пусть вселенная и раздавит его, человек все равно будет выше своего убийцы, ибо он знает, что умирает, и знает превосходство вселенной над ним. Вселенная ничего этого не знает» (*Паскаль Б.* Мысли. 200 [347]).

А в XX в. Николай Бердяев в полемике с марксистами заметил, что лишь с точки зрения марксистов человек есть часть общества³³. Для христианина же общество есть частица человека, ибо в человеке и в самом деле многое определяется его социальным происхождением, статусом, социальным опытом. Но человек не сводится ко всем влияниям на него – ни из прошлого, ни из окружения.

Та же интуиция сказалась и в полемике Вяч. Иванова с М. Гершензоном о соотношении веры и культуры. «Мне же думается, что сознание может быть лишь частию имманентным культуре, частию же трансцендентным. Человек, верующий в Бога, ни за что не согласится признать свое верова-

ние частью культуры; человек же, закрепощенный культуре, неизбежно сочтет последнее за культурный феномен»³⁴.

Даже Герцен понимал, сколь обязана его либеральная философия христианству: «Лицо человека, потерянное в гражданских отношениях древнего мира, выросло до какой-то недостижимой высоты, искупленное Словом Божиим. Личность христианина стала выше сборной личности города; ей открылось все бесконечное достоинство ее – Евангелие торжественно огласило права человека, и люди впервые услышали, *что они такое*. Как было не перемениться всему!»³⁵

Увы, и этот христианский дар, который можно резюмировать пушкинским выражением – «самостоянье человека», – снова отвергается неоязычниками. Для Блаватской «человек есть микрокосм макрокосма»³⁶ (то есть маленький мир в большом мире). И Рерихам нечего сказать о человеке, кроме того, что «человек, будучи микрокосмом макрокосма, является конгломератом самых различных вибраций (ритмов)»³⁷.

Люди конца второго христианского тысячелетия устали пребывать в той свободе от космических стихий, которую возвестил им Христос. Они снова захотели раствориться в космическом безличностном бульоне.

СЛЕЗНЫЙ ДАР

Мир, который люди открыли внутри себя, оказался богаче, чем тот мир, который облекает нас снаружи. То, что происходит в человеческом сердце, христианство сочло более значимым, чем то, что совершается вокруг: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26).

Эту же несоразмерность внутреннего измерения человека с измерениями внешнего мира прекрасно выразил Пастернак: «Не потрясения и перевороты для новой жизни открывают путь, а откровенья, бури и щедроты души воспламенной чьей-нибудь» («После грозы»). Ощущение того, что «два мира есть у человека: один – который нас творил; другой – который мы от века творим по мере наших сил» (Баратынский), станет настолько своим для европейской культуры, что даже Заболоцкий (насколько я понимаю, это был человек, далекий от церковности) свидетельствует о той же самой иерархии ценностей: «Душа в невидимом блуждала, своими сказками полна. Незрячим взором провожала природу внешнюю она».

Для историков же литературы переломом, обозначающим переход от античности к европейской культуре, является «Исповедь» блж. Августина. Эта книга, написанная в начале V в., впервые повествует о внутреннем сюжете, о том, что

происходит в душе человека. Персонажи античных произведений внутренне статичны. Их характер скульптурен, высечен уже с самого начала. Просто меняются обстоятельства вокруг них, и перемена декораций бросает разные отсветы на героя, высвечивая то одну его грань, то другую. Но евангельская проповедь покаяния призвала к переменам внутри человека. О том, как происходит в человеке «метанойя»-перемена ума-покаяние, и поведал Августин в своей предельно искренней книге («А юношей я был очень жалок, и особенно жалок на пороге юности; я даже просил у Тебя целомудрия и говорил: “Дай мне целомудрие и воздержание, только не сейчас”» [*Блж. Августин. Исповедь* 8, 7, 17])³⁸.

Евангельский призыв к покаянию возвещал, что человек освобожден от тождественности себе самому, своему окружению и своему прошлому. Не мое прошлое через настоящее железно определяет мое будущее, но мой сегодняшний выбор. Между моим прошлым и минутой моего нынешнего выбора есть зазор. И от моего выбора зависит, какая из причинно-следственных цепочек, тянущихся ко мне из прошлых времен, замкнется во мне сейчас. То, что было в моем прошлом, может остаться в нем, но я могу стать иным...

О том, как покаяние воздвигает стену, защищающую меня от засилия моего греховного прошлого, говорят два эпизода из церковного предания... Чтобы они были понятны, надо вспомнить два обстоятельства: одно чисто бытовое, другое — духовное. Первое из них состоит в том, что классическая за-

вязка некоего повествования из жизни монахов гласит: «Пошел монах в город...» А в городе, как известно, встречаются женщины. Среди них, как гласит молва, встречаются труженицы панели. В кругу же последних предметом профессиональной доблести считается умение соблазнить монаха. «Мол, затащить к себе в номера какого-нибудь морячка – так это кому ж красы не доставало! А ты вот попробуй монаха соблазнить – тогда и посмотрим, чего ты стоишь на нашем бульваре Капуцинов!»

Второе же обстоятельство, без знания которого нижеприведенные истории не будут понятны, состоит в том, что, когда лукавый³⁹ подталкивает человека ко греху, он влагает в нашу голову дискетку с незатейливым файликом: «Ну, разок-то можно! Ну, согрешишь, а потом покаешься! Ты же слышал, что Бог милосерден, он простит!» После же греха тот же «собеседник» ловко меняет дискету, и теперь с нее считывается уже иная мыслишка: «Ну все, парень, доигрался! Какой теперь из тебя монах (священник, семинарист, христианин...). Ты знаешь, что за этот грех на Суде с тобой будет?! Ты же знаешь, что Судия справедлив и правосуден! Так что там у тебя шансов никаких! Поэтому, знаешь, семь бед – один ответ. Давай еще разок! И вообще оставайся в миру, живи как все. В будущей жизни ничего хорошего тебя уже не ждет, так ты хотя бы здесь поживи как люди!...»

На строгом языке Святых Отцов это выражается предостережением: «Прежде падения нашего бесы представляют

нам Бога человеколюбивым, а после падения – жестоким»⁴⁰; «Бесчеловечный наш враг и наставник блуда внушает, что Бог человеколюбив, и что Он скорое прощение подает сей страсти, как естественной. Но если станем наблюдать за коварством бесов, то найдем, что по совершении греха они представляют нам Бога праведным и неумолимым Судиею. Первое они говорят, чтобы вовлечь нас в грех; а второе – чтобы погрузить нас в отчаяние»⁴¹. Должно же быть все наоборот: прежде греха, когда борешься с греховным помыслом, приводи себе на ум память о Божием суде, а уже если грех произошел, «если мы пали, то прежде всего ополчимся против беса печали»⁴².

Дело в том, что отчаяние фиксирует нас в нашем состоянии падшести. Отчаяние парализует волю. Отчаяние увековечивает состояние греха. По верной мысли историка Ф. Зелинского, «отчаяние – это интеллектуальная смерть»⁴³.

Этому параличу нельзя поддаваться. «Доходят те, кто после каждого поражения встают и идут дальше. Подвиг именно в этом и состоит – никогда не сесть оплакивать. Плакать можно по дороге, по пути. А когда дойдешь до цели – падешь на колени перед Спасителем и скажешь: Прости, Господи! На всю Твою любовь я ответил цепью измен – а все-таки я пришел к Тебе, а не к кому-нибудь другому» (митр. Антоний (Блум). О свободе и призвании человека).

И вот для того, чтобы растождествить себя и свой грех,

надо восстать против отчаяния. В церковном лексиконе «отчаяние» оказывается антонимом «покаяния» («Покаяние есть отвержение отчаяния»⁴⁴). Чтобы вернуть себе возможность действовать, возможность созидать свое будущее, нужно прежде всего свалить со своих плеч груз отчаяния. И в этом случае полезна память о Божием милосердии: «Мысль о милосердии Божиим принимай только тогда, когда видишь, что вовлекаешься во глубину отчаяния»⁴⁵.

Теперь будут понятны такие монашеские повествования: «Два брата, будучи побеждены блудною похотию, пошли и взяли с собою женщин. После же стали говорить друг другу: что пользы для нас в том, что мы, оставив ангельский чин, пали в эту нечистоту, и потом должны будем идти в огонь и мучение? Пойдем в пустыню. Пришедши в нее, они просили отцев назначить им покаяние, исповедав им то, что они сделали. Старцы заключили их на год, и обоим по-ровному давались хлеб и вода. Братья были одинаковы по виду. Когда исполнилось время покаяния, они вышли из заключения, – и отцы увидели одного из них печальным и совершенно бледным, а другого – с веселым и светлым лицом, – и подивились сему, ибо братья принимали пищу поровну. Посему спросили они печального брата: какими мыслями ты был занят в келье своей? – Я думал, отвечал он, о том зле, которое я сделал, и о муке, в которую я должен идти, – и от страха *прильпекость моя плоти моей* (Псал. 101, 6). Спросили они и другого: а ты о чем размышлял в келье своей? Он отвечал: я бла-

годарил Бога, что Он исторг меня от нечистоты мира сего и от блудного мучения, и возвратил меня к этому ангельскому житию, – и помня о Боге, я радовался. Старцы сказали: покаяние того и другого – равно пред Богом»⁴⁶.

Вторая история была такой. Брат пошел набрать воды в реке и встретил женщину, стирающую одежду, и случилось ему пасть с нею. Сделав же грех, и набрав воды, пошел в келию. Бесы же, приступая и воздвигая помыслы, опечаливали его (слав.: оскорбляху его), говоря: «Куда ты идешь? Нет тебе спасения! Зачем мира лишаешь себя?» Познав же брат, что они хотят совершенно его погубить, сказал помыслам: «Откуда вы пришли ко мне и опечаливаете меня, чтобы я отчаялся? Не согрешил я, – и снова сказал: – Не согрешил». Войдя же в келию свою, безмолствовал, как и прежде. Бог же открыл одному старцу, соседу его, что такой-то брат, пав, победил. Этот старец пришел к нему и говорит: «Как ты пребываешь?» Он же говорит: «Хорошо, отче». И снова говорит ему старец: «Не было ли у тебя скорби о чем-либо в эти дни?» Говорит ему: «Ни о чем». И сказал ему старец: «Открыл мне Бог, что ты, пав, победил». Тогда брат рассказал ему все случившееся с ним. И старец сказал ему: «Воистину, брат, рассуждение твое сокрушило всю силу вражью» (Пролог, 21 мая. Против отчаяния)⁴⁷.

Третий рассказ передает Вл. Соловьев. В Нитрийской пустыне спасались два отшельника. Пещеры их были в недалеком расстоянии, но они никогда не разговаривали меж-

ду собой, разве только псалмами иногда перекликаются. Так провели они много лет, и слава их стала распространяться по Египту и по окрестным странам. И вот однажды удалось диаволу вложить им в душу, обоим за раз, одно намерение, и они, не говоря друг другу ни слова, забрали свою работу – корзинки и подстилки из пальмовых листьев и ветвей – и отправились вместе в Александрию. Там они продали свою работу и затем три дня и три ночи кутили с пьяницами и блудницами, после чего пошли обратно в свою пустыню. Один из них горько рыдал и сокрушался: «Погиб я теперь совсем, окаянный! Такого неистовства, такой скверны ничем не замолишь. Пропали теперь даром все мои посты, и бдения, и молитвы – за раз всё безвозвратно погубил». А другой с ним идет и радостным голосом псалмы распевает. «Да что ты, обезумел, что ли?» – «А что?» – «Да что ж ты не сокрушаешься?» – «А о чем мне сокрушаться?» – «Как! А Александрия?» – «Что ж Александрия? Слава Всевышнему, хранящему сей знаменитый и благочестивый град!» – «Да мы-то что делали в Александрии?» – «Известно, что делали: корзины продавали, святому Марку поклонились, прочие храмы посещали, в палаты к благочестивому градоправителю заходили, с монахолюбивою донною Леониллою беседовали...» – «Да ночевали-то мы разве не в блудилище?» – «Храни Бог! Вечер и ночь провели мы на патриаршем дворе». – «Святые мученики! Он лишился рассудка... Да вином-то мы где упивались?» – «Вина и яств кушали мы от

патриаршей трапезы по случаю праздника Введения во храм Пресвятыя Богородицы». — «Несчастный! А целовался-то с нами кто, чтобы о горшом умолчать?» — «А лобзанием святым почтил нас на расставании отец отцов, блаженнейший архиепископ великого града Александрии и всего Египта, Ливии же и Пентаполя и судия вселенной, Кир-Тимофей, со всеми отцами и братьями его богоизбранного клира». — «Да ты что, насмехаешься, что ли, надо мной? Или за вчерашние мерзости в тебя сам диавол вселился? С блудницами скверными целовался ты, окаянный!» — «Ну, не знаю, в кого вселился диавол: в меня ли, когда я радуюсь дарам Божиим и благоволению к нам мужей священноначальных и хвалю Создателя вместе со всею тварью, или в тебя, когда ты здесь беснуешься и дом блаженнейшего отца нашего и пастыря называешь блудилищем, а его самого и боголюбезный клир его позоришь, яко бы сущих блудниц». — «Ах ты еретик! Ариево отродье! Аполлинария мерзкого всеклятые уста!» И сокрушавшийся о своем грехопадении отшельник бросился на своего товарища и стал изо всех сил его бить. После этого они молча пошли к своим пещерам. Один всю ночь убивался, оглашая пустыню своими стонами и воплями, рвал на себе волосы, бросался на землю и колотился об нее головой, другой же спокойно и радостно распевал псалмы. Наутро кающемуся пришла в голову мысль: «Так как я долголетним подвигом уже стяжал особую благодать Святого Духа, которая уже начала проявляться в чудесах и знамениях, то после

этого, отдавшись плотской мерзости, я совершил грех против Духа Святого, что, по слову Божию, не прощается ни в сем веке, ни в будущем. Я бросил жемчужину небесной чистоты мысленным свиньям, то есть бесам, они потоптали ее и теперь, наверное, обратившись, растерзают меня. Но если я во всяком случае окончательно погиб, то что же я буду делать тут, в пустыне?» И он пошел в Александрию и предался распутной жизни. Когда же ему понадобились деньги, то он, в сообществе с такими же гуляками, убил и ограбил богатого купца. Дело открылось, он был подвергнут градскому суду и, приговоренный к смертной казни, умер без покаяния. А между тем его прежний товарищ, продолжая свое подвижничество, достиг высшей степени святости и прославился великими чудесами, так что по одному его слову многолетне бесплодные женщины зачинали и рожали детей мужеского пола. Когда пришел день его кончины, изможденное и засохшее его тело вдруг как бы расцвело красотой и молодостью, просияло и наполнило воздух благоуханием. По смерти его над его чудотворными мощами созданся монастырь, и имя его из Александрийской церкви перешло в Византию, а оттуда попало в киевские и московские святцы. «Вот, значит, и правду я говорю, – прибавлял Варсонофий, – все грехи не беда, кроме только одного – уныния: прочие-то все беззакония они совершали оба вместе, а погиб-то один, который унывал»⁴⁸.

Удивительные свидетельства: на вершине покаяния надо

уметь совместить в себе два как будто несовместимых самоощущения. С одной стороны – «*mea culpa*», моя вина, мой грех... А с другой – «это не я». Так больной приходит к врачу, показывает свою руку с занозой и молит: «Доктор, это по моей дури эта заноза оказалась во мне. Но ведь эта заноза – это не я! Можно ли сделать так, чтобы заноза была отдельно, а моя рука – отдельно?!» В покаянии человек с силой отталкивается от своего прошлого, сбрасывает его с себя, кричит ему в лицо: «Я больше не хочу как прежде жить!», а обращаясь к Богу: «Я больше не хочу Тебя терять!»

Покаяние действительно может менять прошлое (во всяком случае его влияние на настоящее). На вопрос: «Если Бог всемогущ, то может ли Он сделать бывшее небывшим?» христианская традиция покаяния говорит: да, может – если прошлое будет раскаяно... Некогда один монах попробовал освободить от беса приведенного к нему одержимого человека. Бес же заявил, что монах сам принадлежит ему... «Услышав это, брат, знавший кое-что за собой, отошел и ушел. Отыскав священника, он исповедал ему те грехи, о которых особенно сокрушался, и вернувшись назад, сказал бесу: “Скажи-ка мне, несчастный, что я сделал такого, за что должен быть твоим?” Отвечал ему бес: “Немного раньше хорошо я знал это, а теперь ничего не помню”»⁴⁹.

Эта идея «пластичности» человека, его переменчивости и, значит, сложности очень многое породила в европейской культуре. Вся русская классическая литература с ее заботой

о «маленьком человеке» выросла из этой евангельской идеи. Но сегодня неоязыческая идея «фатума», для пущей экзотичности назвавшего себя «кармой», вновь любо-дорога умам европейских неоязычников. И оккультисты даже сетуют: мол, люди, избалованные христианством и привыкшие к мысли о своей свободе, не сразу соглашаются с тем, что на самом деле вместо них «карма творит свое» (*Рерихи*. Беспредельность. 463). «Нелегко человеку принять истину о его зависимости. Ведь ту цепь существований не прервать, не выделить себя, не приостановить течение. Как один поток Вселенная!» (Там же. 193).

Если человек есть всего лишь микрокосмос, всего лишь частица Вселенной – тогда и в самом деле нельзя ни «выделить себя», ни «приостановить течение». Но если человек надкосмичен, если в его глубине есть выход к надкосмическому Богу, то человек может сопротивляться любым детерминациям и, вопреки всему, – стоять в свободе и истине. Насколько эта христианская убежденность в нашей свободе (без этой убежденности не могло бы быть и раннехристианского мученичества) была странна для язычников, видно из ее сегодняшнего неприятия неоязыческой теософией.

...«Жизнь дается только раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно». Это кристально антихристианская фраза. Жизнь и состоит в том, что человек каждое мгновение стыдится себя вчерашнего – и только потому и растет. Жизнь дается только раз – и потому жить ее на-

до так, чтобы каждое мгновение твоя совесть говорила тебе: ты поступил со мной неправо. Дар совестного жжения. Если за жизнь не стыдно — значит я не расту и умираю без покаяния... Покаяние радостно, потому что дарит надежду на обновление. Оно радостно, потому что открывает меня другого для меня же: я разнообразнее, чем сам думал о себе еще недавно... Очень точно об этом у Пушкина («Когда б не смутное влечение»):

Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И все бы слушал этот лепет,
Все б эти ножки целовал...
И слушал бы, и целовал бы —
Когда бы не смутное влечение
Чего-то жаждущей души...

«Куда влечение, что за жажда его томит теперь — не говорит: видно, слов таких нет, даже у него»⁵⁰. Кстати, и другой русский гений, Достоевский, тоже отступал перед несказанностью этой новизны. Он подводил своих героев к покаянию, но никогда не описывал их следующую жизнь...

НЕКОСМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

Выведя себя из природного контекста, человек смог осознать свое поведение в совершенно иной системе координат. Если человек – часть природы, то он не может оценивать свое поведение по иным критериям, нежели природные. Но природные феномены не подлежат нравственному суду. Персидские цари Кир, который мстил реке, потопившей его лошадь (Геродот. История, 1, 189), и Ксеркс, приказавший бичевать море, расстроившее его планы⁵¹, – предмет насмешек даже в дохристианскую пору. Нельзя возмущаться поведением рек или животных. *Нельзя обвинять Луну в том, что она устраивает нам солнечное затмение, и, соответственно, объявлять ей выговор с занесением в личный гороскоп!*

И если быть логичным – то нельзя возмущаться и поведением преступника. Чтобы оправдать применение нравственных критериев в восприятии человеческих действий, философия должна осознать радикальное отличие человека от природы.

Осознав свою внеприродность, человек приобрел право пользоваться двумя различными языками: он смог описывать явления природы на неантропоморфном языке, не при-

писывая камням и звездам человеческие страсти. Но и себя человек смог осознавать и оценивать по внеприродным критериям. Раз «живем мы в этом мире послами не имеющей названия державы» (Александр Галич), не стоит слишком большое значение придавать тому обстоятельству, что природа неподвластна нравственным законам. Человек-то внеприроден, а потому ценим по неприродным, нравственным критериям.

Так родилось то самое кантовское доказательство бытия Бога, за которое Иван Бездомный хотел сослать философа «в Соловки годика на три». Первый тезис Канта: все в мире подчинено закону причинности. Все события в мире соединены причинно-следственными связями, и ничего в нем не происходит без надлежащих причин, с необходимостью вызывающих к бытию свои следствия. Второй тезис: если человек тоже подчинен этому закону, то он не может нести нравственную ответственность за свои поступки. Третий тезис: если мы утверждаем нравственную вменяемость человека, мы должны постулировать его свободу. Вывод: следовательно, человек, живя в мире, не подчиняется основному закону мироздания. Значит, человек неотмирнен, то есть обладает статусом экстерриториальности. Ничто в мире не может действовать свободно, а человек – может. Значит, человек есть нечто большее, чем мир. Таким образом, в человеческом нравственно-свободном опыте проступает иное измерение бытия – бытия, не ограниченного пространством, вре-

менем, детерминизмом и одаренного свободой, нравственностью и разумом. Такое бытие на языке философии именуется Богом. Человек свободен – а значит, бытие богаче, чем мир причинности; человек свободен – а значит, «морально необходимо признавать бытие Божие»...⁵²

Дело в том (и это прекрасно показал И. Кант), что в природе нет и не может быть категории «долга». «Невозможно, чтобы в природе нечто должно было существовать иначе, чем оно действительно существует, более того, если иметь в виду только естественный ход событий, то долженствование не имеет никакого смысла. Мы не можем даже спрашивать, что должно происходить в природе, точно так же как нельзя спрашивать, какими свойствами должен обладать круг; мы можем лишь спрашивать, что происходит в природе или какими свойствами обладает круг»⁵³. Человеку мы можем сказать: ты таков, но ты должен был бы быть другим. А в природных феноменах не может быть такого зазора между тем, что есть, и тем, что «должно» быть. Луну не осуждают за то, что ее не видно днем. Солнце не судят за то, что оно порой затмевается. Волгу не награждают за самоотверженный труд в годы войны. Сибирские реки не наказывают за то, что они текут в Ледовитый океан вместо того, чтобы проявить интернационализм, повернуть на юг и оросить своими водами пустыни Средней Азии.

И если человек есть исключительно часть «природы», то и человеческое поведение нельзя описывать в категори-

ях «долга». Что бы ни натворил человек – реакция может быть только одна: «так получилось», и иначе быть просто не могло. И нельзя винить того, чья человечность затмилась в некий день, самый важный для него и его близких. И нелогично награждать соответствующей медалью хорошо воспитанного и генетически благополучного молодого человека за отвагу при пожаре.

Если в природе «должно» то, что несвободно, то, что необходимо должно было произойти при наличии соответствующих причин, то в области нравственности «должно» то, что избирается и достигается свободным усилием, то, что не вынужденно. Эти два «долга» не сливаются только в том случае, если мы не будем считать человека частной формой проявления всемирных законов... Значит, «человек не является частью мира» (*Лактанций*. Божественные установления. 2, 5, 31)⁵⁴.

И снова мы видим, что неоязычество отторгает этот христианский дар. Оно пробует описать человека на негуманитарном языке, на языке «физики» («природы»). У теософов даже слово «воля» означает всего лишь «импульс притяжения или отталкивания, порожденный биполярностью элементов»⁵⁵. Ток, протекающий между «биполярными элементами» автомобильного аккумулятора, притягивает молнию, летящую к фарам. И люди тоже просто должны научиться измерять «энергетику» своих «аур». И тогда в рамках «философии космизма» человеческие чувства можно

будет измерять в вольтах и амперах...

Христианство же не утратило чувство изумления перед чудом человеческого феномена: «Человек представляет собою большее чудо, чем всякое чудо, совершаемое человеком» (*Августин. О Граде Божием. 10, 12*).

ХРИСТИАНСКАЯ СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Уже много столетий – начиная с эпохи Возрождения – в европейских школах преподают цензурированно-приукрашенное представление о языческой древности и античности. Египет – это седые пирамиды, мудрость тысячелетий... Эллада – это беломраморные храмы, дружба людей и богов, близость с природой, поэтическая естественность... И так все это контрастирует с чернорясным монашеством, темным средневековьем, пришедшим на смену античной простоте и человечности... Школьникам даже непонятно становится – как могла античность переродиться в средневековье...

Это недоумение рождается оттого, что даже хорошо образованные люди свои познания об античной мифологии ограничивают книжкой Куна, адаптирующей греческие мифы для детей. И конечно, из книжки Куна нельзя понять – почему христианство объявило войну этим милым и прекрасным сказкам.

Но ознакомимся – без цензурных купюр – только с двумя наиизвестнейшими и обаятельнейшими греческими мифами.

Есть слово, дорогое сердцу каждого «нового русского», – Кипр. На Кипре каждому туристу показывают «пляж любви», на который из пены морской некогда вышла прекрас-

ная Афродита. А в школах при знакомстве с этим мифом показывают репродукции: «Рождение Венеры» Боттичелли, Рубенса, Тициана...

И только об одном умалчивают и гиды, и учителя: они не берутся объяснить причину той первой экологической катастрофы. Откуда взялась та самая пена в первозданном море? Рассказ об этом придется начать с бунта Кроноса против Урана. Этот бунт, как мы помним, кончился оскотплением первичного бога, а затем – «член же отца детородный, отсеченный острым железом, по морю долго носился, и белая пена взбилась вокруг от нетленного члена. И девушка в пене в той зародилась. Сначала подплыла она к Киферам священным, после же этого к Кипру пристала, омытому морем. На берег вышла богиня прекрасная... Ее Афродитой, “пенорожденной”, еще “Кифереей” прекрасновенчанной боги и люди зовут, потому что родилась из пены» (*Гесиод*. Теогония. 188–197).

Второй полупознакомый всем миф описывает рождение Афины из головы Зевса. Обилие аллегорий и в этом случае заслоняет естественный вопрос: а как именно Афина оказалась в Зевсе? И на этот раз история не самая симпатичная. У Зевса в ту пору была супруга по имени Метида. Она обладала свойством полиморфизма (проще говоря, она могла перевоплощаться во что хотела) – свойством, довольно неприятным в семейной жизни (ибо во время семейного диалога в ответ на безобидную реплику мужа «Почему у тебя опять

борщ недосолен?!» супруга может превратиться в дракона – и как ее тогда «воспитывать»...). Зевс, решив избавиться от нее, уговорил ее сделаться маленькой... Понятно, какой сюжет воспроизводит сказка «Кот в сапогах»? Да, едва только Метида стала маленькой, Зевс ее проглотил. Таким образом премудрость оказалась внутри Зевса, ибо Метида была в то время беременна Афиной (см.: *Гесиод*. Теогония, 886–890).

А многие ли знают, что великий Геракл покончил жизнь самоубийством (*Софокл*. Трахинянки. 1260 слл.) – с предостережением детям: «Вы великую зрите жестокость богов»?

В целом же античность пошла очень странным путем. Речь идет о гомосексуализме. Казалось бы, та культура, которая провозглашает своим идеалом мужество и естественность, умеренность и гармонию, могла бы миновать именно этот риф. Но культура, возвеличившая Геракла и Одиссея, очень прочно – на века – засела именно на этом рифе.

Платон ставит любовь между мужчинами значительно выше, чем любовь к женщине. Платоновский миф об андрогинах содержит в себе подробность, также часто опускаемую в популярных пересказах. Оказывается, андрогины были трех полов: мужского, женского и мужеженского (собственно андрогины). Когда Зевс, убоявшись их силы, рассек первых людей, то каждая половинка начала искать свою прежнюю. И это значит, что только треть людей ищет сближения с противоположным полом, а две трети влекутся к своему собственному. Нет, и эти две трети тоже могут вступать в общение с

противоположным полом, но только из чувства гражданского долга: «...чтобы при совокуплении мужчины с женщиной рождались дети и продолжался род, а когда мужчина сойдется с женщиной – достигалось все же удовлетворение от соития, после чего они могли бы передохнуть, взяться за дела и позаботиться о других своих нуждах... Мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве они любят мужчин и им нравится лежать и обниматься с мужчинами. Это самые лучшие из мальчиков и юношей» (Пир. 191с—192а).

Так «вместе с божественной философией расцвела и любовь к мальчикам» (*Лукиан. Две любви. 35*). Сексуальные услуги юноши рассматривались как нормальная форма оплаты услуг учителя, обучающего подростка какой-либо профессии. Когда Алкивиад пожелал стать учеником Сократа, «я решил сделать все, чего Сократ ни потребует. Полагая, что он зарится на цветущую мою красоту, я счел ее счастливым даром и великой своей удачей: ведь благодаря ей я мог бы, уступив Сократу, услышать от него все, что он знает. С такими мыслями я однажды и отпустил провожатого, без которого я до той поры не встречался с Сократом, и остался с ним с глазу на глаз... и я ждал, что вот-вот он заговорит со мной так, как говорят без свидетелей влюбленные, и радовался заранее. Но ничего подобного не случилось. Я решил пойти на него приступом... Я лег под его потертый плащ и, обеими руками обняв этого человека, пролежал так всю

ночь. Так вот, несмотря на все мои усилия, он одержал верх, пренебрег цветущей моей красотой... Я был беспомощен и растерян» (*Платон. Пир.* 217a—219e).

Как видим, целомудрие Сократа было предметом удивления. Впрочем, Сократ никогда не осуждал педерастию, никогда не призывал обратиться к женщинам – он лишь призывал любить не только тела мальчиков, но и их души и душевную близость ставить выше телесной (*Ксенофонт. Пир.* 8)⁵⁶. Описание идеальной любви у Платона дано в «Федре» (255–256). Тот, кто хотя бы однажды прочитает его, навсегда уже воздержится от возвышенного употребления словосочетания «платоническая любовь»...

До такой степени это было в порядке вещей у античных философов, что в V в. блаж. Иероним, говоря о словах Христа, упоминавших «скопцов, которые оскотлены от людей» (Мф 19, 12), поясняет, что это «те, которых воспитали философы и изнежило до степени женщин служение идолам» (*блаж. Иероним Стридонский. Четыре книги толкований на Евангелие от Матфея.* М., 1996, с. 169)

Да, так греки подражали своим богам. На Олимпе всегда хватало «странностей любви»: любовником Зевса был мальчик Ганимед⁵⁷ (в указанном фрагменте «Федра» Платон прямо ссылается на эту парочку); любовником Геракла – Гилас⁵⁸; Посейдона – Пелоп⁵⁹. По слову Овидия, не кто иной, как Орфей, «стал виной, что за ним и народы фракий-

ские тоже, перенеся на юнцов недозрелых любовное чувство, первины цветов обрывают» (*Овидий. Метаморфозы* 10, 83–84).

И вдруг над этим миром раздались слова ап. Павла: *Не обманывайтесь... мужеложники... Царства Божия не наследуют* (1 Кор. 6, 9–11).

Мужская любовь была возвращена женщинам и освящена церковным таинством... Христианство вернуло мужчин женщинам, – в частности, быть может, в благодарность за то, что во время Евангельских событий ни одна женщина не причинила ничего дурного Христу – ни словом, ни поступком (даже жена Понтия Пилата заступается за Иисуса).

Вот удивительное место апостольского послания: «Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием вашим» (1 Кор. 7, 3–5).

Казалось бы, все привычно. Но если взять в руки греческий оригинал, то русского читателя ждет несколько открытий.

Первое: «должное благорасположение» – это попытка неперевода ныне и так общеизвестного выражения «супружеский долг». Буквально: «муж жене должное пусть отдает». По-латыни именно так это и звучит: *uxori* (жене) *vir* (муж)

debitum (должное) reddat (воздает). Отсюда и произошла знаменитая идиома.

Второе: «Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве». Но слова «в посте» в древнейших рукописях нет. Авторитетный современный текстолог-библеист Метцгер говорит, что это добавлено в аскетических целях (см.: *Metzger B. A textual commentary on the greek New Testament. Stuttgart, 1994, p. 488*).

«Прибавка “для поста” имеется только в очень малом количестве рукописей» (Толковая Библия. Т. 11, СПб., 1913, с. 48).

Ни латинский, ни древне-армянский тексты Нового Завета этой вставки не знают.

Похоже, что в патристической литературе упоминание о посте в этой апостольской фразе встречается, начиная лишь с преп. Иоанна Дамаскина (*Metzger, p. 488*). В этой связи стоит обратить внимание на отсутствие слова «пост» в 3-м правиле св. Дионисия Александрийского («Вступившие в брак сами себе должны быть довлеющими судьями. Ибо они слышали Павла пишущего, что *подобает воздерживаться друг от друга, по согласию, до времени, дабы упражняться в молитве, и потом опять вместе быть*») и в 13 правиле св. Тимофея Александрийского («Вопрос. Совокупляющимся в общение брака, в которые дни седмицы должно соблюдать воздержание от совокупления друг с другом, и в которые дни

иметь им право на оное? Ответ. Прежде сказал я, и теперь говорю, Апостол глаголет: не лишайте себе друг друга, только по согласию, до времени, да пребываете в молитве; и паки вкупе собирайтесь, да не искушает вас сатана неводержанием вашим. Впрочем, необходимо должно воздерживаться в день субботний и воскресный, потому что в сии дни духовная жертва приносится Господу»).

Третье: слово «упражнение», *scolh*, означает в классическом греческом языке «досуг», занятие в свободные часы, чтение. Школьники могут возрадоваться: русское слово «школа» изначала обозначало отдых... В Мф. 12, 44 незанятый дом – *scolazonta*. В латинском переводе Рим 7,6 читаем *vacetis* (в этом корне нетрудно узнать «вакансию» – «свободное место» и «вакации» – каникулы).

Значит, отказ от половой близости для апостола Павла – это форма отдыха друг от друга. Отдых – молитва. Половая близость – долг...

Стоит также отметить, что в иудаизме тот, кто изучает Закон, должен воздерживаться независимо от желания жены, причем в течение целого месяца (см.: *К. Л. Роджерс-младший, К. Л. Роджерс. Новый лингвистический и экзегетический ключ к греческому тексту Нового Завета. СПб., 2001, с. 576*).

По сравнению с этой традицией ап. Павел смягчил религиозные ограничения, налагаемые на супружескую жизнь.

Из позднейших святоотеческих слов напомним слова свт.

Пафнутия, который «целомудрием называл соитие с законной женой» (*Сократ Схоластик. Церковная история* 1,11). И, конечно, Златоуста: «Пусть не говорят мне: я не могу спастись, если не откажусь от жены. Не зазорен брак, а блуд – зло. Я своей собственной гибелью ручаюсь тебе в твоём спасении. Не помеха брак для целомудрия, а ограждение для него. Девство столь великое дело, что Христос не решился возвести его на степень закона, несмотря на то, что дал закон умирать за Него и благодетельствовать врагам – девства нет не менее не узаконил, но предоставил на произволение слушателей... Нигде безбрачия не узаконил Бог» (*Слово о посте и целомудрии // Творения. Т. 12. Ч. 2. СПб., 1906. С. 509–510*).

Впрочем, сегодня сам этот дар христианства оспаривается и осмеивается. Сегодня снова престижно и модно принадлежать к специфическому «меньшинству».

Ограничусь лишь двумя газетными новостями:

«30 июня 2004 года Шведский суд приговорил пастора-пятидесятника Оке Грина к месяцу тюремного заключения за негативные высказывания о гомосексуалистах во время проповеди. Выступая перед прихожанами в своей церкви в городе Боргхольме, пастор Грин назвал гомосексуализм “ненормальным явлением, ужасной раковой опухолью на теле общества”, а геев и лесбиянок – “извращенцами, которых дьявол использует как свое оружие в войне против Бога”. Пастор Грин – первый гражданин Швеции, осужденный в этой стране по закону об оскорблениях, который ра-

нее применялся лишь к лицам, пропагандирующим расовую ненависть. Во время суда государственный обвинитель Челль Ингвессон проиграл аудиозапись проповеди Грина и спросил подсудимого, считает ли тот гомосексуализм болезнью, на что пастор ответил утвердительно. Пастор пояснил, что своим выступлением не ставил цели нанести кому-либо оскорбление, а лишь передал библейский взгляд на гомосексуализм»⁶⁰.

«Министр юстиции Франции Элизабет Гигу радовалась как ребенок. Вскочила с места, смеялась, хлопала в ладоши. Вместе со всеми депутатами левых фракций Национального собрания. В самом деле, левым было от чего веселиться. Им все-таки удалось протащить закон, разрешающий во Франции браки между гомосексуалистами. Закон этот называется “Пакт гражданской солидарности”, или PACS. Те, кто подписал такое соглашение, отныне по закону находятся во взаимоотношениях, соответствующих брачным. Они могут передавать друг другу имущество – как супруги. Платить меньше налогов – как женатые люди. Жить под одной крышей. Вести хозяйство. Получать друг за друга пенсию. Те, кто вступил в PACS, уже через год могут подавать заявление о натурализации во Франции (обычный брак такого права не дает). Отныне тысячи мужчин и женщин – иностранцы-гомосексуалисты, живущие с французами или француженками, – смогут претендовать на французское гражданство. Чтобы принять подобный закон, левым понадобился год. И 120 часов

заседания парламента. Правые бешено сопротивлялись принятию PACS. И все-таки 13 октября закон был принят Национальным собранием. Большинством в 315 голосов социалистов, коммунистов и “зеленых” против 245 правых депутатов. Левые, в особенности социалисты, выполняли предвыборные обещания, данные еще в 1997 г. Поддержка избирателей-гомосексуалистов была хотя и не решающим, но существенным фактором, склонившим чашу весов в пользу левой коалиции на тех выборах. Еще весомее оказалась помощь левым со стороны соответствующего лобби в кругах предпринимателей и интеллектуалов. Что ж, сторонники идей Карла Маркса и Владимира Ленина не изменили своему амплуа. Они уже не раз доказывали, что нет такого закона, который они не были бы готовы принять, чтобы подальше удержаться у кормила власти... Не случайно первой против закона выступила французская Католическая церковь. “После этого голосования, – говорится в обращении епископов Франции, – все более насущным становится вопрос, желаем ли мы сохранения в будущем института брака. Желаем ли мы готовить юношество к созданию настоящих семей? Желаем ли мы обеспечить этим семьям возможность выжить, выполнить свою миссию по воспитанию человека – свою незаменимую роль?” Ответа от политиков священники пока не получили»⁶¹.

Мы тоже ответа ждать не будем. Просто отдадим себе отчет в том, какое именно «христианское наследие» объяв-

ляет отжившим и устаревшим «новый мировой порядок», громко декларирующий свои притязания на приватизацию III тысячелетия. В школах Сан-Франциско первоклашки уже пишут диктанты, в которых вместо традиционного зачина «Жили-были дед да баба», поставлена новая модель «семейных» отношений: «Жили-были Джон с Джеком...»

Вас уже тошнит? Значит, в вас еще жива христианская культура. Значит, вы родом из христианского Средневековья. Значит, в «новом мировом порядке» XXI в. у вас будут проблемы.

ПЕЙЗАЖ, СВОБОДНЫЙ ОТ ДЕМОНОВ

Христианство вернуло людям возможность любоваться небом, звездами, облаками и закатом.

В языческих религиях каждый природный феномен наделялся именем и биографией. А поскольку речь шла все же о природных феноменах, то персонажи этих мифов оказывались столь же внеморальны, как и природные стихии. Они оказывались по ту сторону добра и зла.

В природно-материальных феноменах язычник видел игру богов между собой (или их любовь, или их вражду). Если некий предмет был в мифологии связан с определенным божеством, значит, при встрече с этим предметом на ум неизбежно приходили воспоминания об этом боге и его деяниях.

Мы сейчас можем просто смотреть на закат и восход. Наши неверующие современники просто любуются этим зрелищем, и поэтическое чувство, близкое к религиозному, наполняет их сердца. Люди же верующие при этом произносят хвалу Творцу этой красоты (с радостью осознавая, что позади остались годы нашей собственной немоты перед лицом Творца, – ибо одним из самых несчастных существ на свете является атеист, который, видя красоту заката, не знает, кому сказать: «Спасибо!» за нее).

Мы можем просто смотреть... потому что мы не верим в

египетский миф о богах Восхода и Захода – Шу и Тефнут. В начале времен, – повествует гелиопольская версия египетской мифологии (ок. 2700 г. до Р. Х.), – бог Атум был один. В отличие от традиционных теогоний, в этом зачатие у первичного божества нет супруги (что позволяет истолковать этот миф как продвижение на пути к строгому монотеизму). Но люди архаики еще с трудом представляли себе иной способ творения, кроме сексуального: зачатие-рождение. И потому мифотворец, пробуя изложить развитие мироздания из Единого источника, оказывается в затруднении: как же одинокий бог мог родить нечто без супруги? Атум разрешает его недоумение, прибегнув, по выражению американского египтолога, к способу, «противоестественному, хотя и вполне человеческому»⁶². Конкретнее: «Я соединился с моим кулаком, совокупился с моей рукой, упало семя в мой собственный рот, и я выплюнул Шу, я изрыгнул Тефнут» (Папирус Бремнер-Ринд)⁶³.

Да, я помню, что есть такие темы, которые у христиан «не должны даже именоваться» (Еф. 5, 3). Но как в области вероучения, «злоба еретиков вынуждает нас совершать вещи недозволенные, предпринимать исследования запрещенные; заблуждения других вынуждают нас самих становиться на опасный путь изъяснения человеческим языком тех тайн, которые следовало бы с благоговейной верой сохранять в глубине наших душ» (*Св. Иларий Пиктавийский. О Святой Троице. 2, 2*), так и в области нравственной порой

возникает необходимость в разговоре о запретном. Правда, это уже соприкосновение не с областью запредельной чистоты (как это происходит при осмыслении догматического богословия), но взгляд, обращенный в противоположном направлении. Взгляд, необходимый потому, что язычество сегодня настойчиво рекламируют как мышление более «экологически чистое», нежели христианство. Что ж, с древнейших времен христианские апологеты в таких случаях предлагали язычникам поворошить их собственное белье...

Вот и одна из древнейших мифологических систем – угаритская – также связывает половую сферу с появлением заката и восхода. Западные семиты, «хананеи», как явствует из найденного в 1929 г. гимна (его обозначения 0UT52 или СТА23 или KTU1,23), из ритуала плодородия, полагали, что некогда бог Эль приблизился к двум женщинам, которых он пожелал оплодотворить. Те именуют его «отцом» – и это мешает ему, он теряет мужскую силу. Наконец, они зовут его «О жених, о жених, твой жезл опускается, напряжение твоего члена чахнет. Но когда птица зажарится в огне, и когда ты сожжешь ее на углях, две женщины станут супругами Эля, супругами Эля навсегда». После объятия и жара жены рожают Шахар и Шалим. Приносят весть Элю: “Жена, о Эль, родила”. – “Кого она принесла мне как ребенка?” – “Шахар и Шалим”». Шахар – это божество Восхода, Шалим – божество Заката⁶⁴. А отчего звезды движутся по небу, то появляясь, то вновь исчезая? С детских пор нам памятна картинка

из школьного учебника истории: египетская богиня неба Нут выгнулась в «гимнастическом мостике» над землей. Изящная картинка. Но оказывается, та же самая богиня Нут в египетской иконографии изображается еще и в виде свиньи и гиппопотама. Связь между этими образами такова: звезды «входят в уста ее в месте головы ее на западе, и она поглощает их. И вот бранился Геб с Нут, ибо он разгневался на нее из-за поедания ею своих детей. Наречено имя ей: “Свинья, пожирающая своих поросят” из-за того, что поглощает она их. И вот отец ее, Шу, возвысил ее и поднял к своей голове и сказал: “Берегись Геба, пусть он не бранится с нею из-за того, что она поглощает порождения свои. Она будет их рожать, они будут жить и будут выходить из зада ее на востоке ежедневно”»⁶⁵. «Под гиппопотамом они разумеют бесстыдство» (*Плутарх*. Об Исиде и Осирисе, 32).

Знал бы Кант, что «звезды у него над головой» – это всего лишь извержения богини Нут, он бы смотрел на них менее восторженно...⁶⁶

После демифологизации (расколдовывания) мира, которую провело христианство, мы можем спокойно водить своих дочерей на купания, не опасаясь, что духи вод затянут к себе понравившуюся им невесту...⁶⁷

После демифологизации, проведенной христианством, мы можем любоваться радугой, видя в ней или просто красоту, или знамение Завета Бога и человека⁶⁸. А в язычестве ра-

дуга – знак беды: «По верованиям многих народов, змеи являются виновниками исчезновения различных источников влаги, и в частности дождя, и прекращение дождя в ряде случаев приписывается тому, что его выпила огромная змея. Также сказания раскрывают образ выпивающей дождь змеи. Это – радуга, изгибающая свое пестрое тело по небу, свободному от выпитого ею дождя»⁶⁹.

После демифологизации, проведенной христианством, мы можем радостно смотреть на то, как лучи солнца пробиваются сквозь облака. На уроках природоведения нам рассказали, как возникают облака и почему дует ветер... Но для человека античного склада отношения солнца, облаков и ветра казались загадочными. Солнце разгоняет облака, но и ветер может облаками заслонить лик неба. Почему борются между собой ветер и свет?

Греческий ответ на этот вопрос содержится в мифе о Гиацинте. Гиацинт – мальчик, который стал любовником Аполлона (*Аполлдор*. Мифологическая библиотека. 1, 3, 3). Но в Гиацинта влюбился и другой бог – бог ветра Зефир. Не встретив взаимности, он решил отомстить Аполлону и Гиацинту. Однажды, когда Аполлон («златокудрый Феб») играл с Гиацинтом и учил мальчика метать диск, Зефир подул, отклонил летящий диск, и тот разможил голову мальчику, из могилы которого и выросли цветы гиацинты (см.: *Овидий*. *Метаморфозы* 10, 175–195).

Мы смотрим на Млечный Путь. И опять видим лишь его

красоту. Но для грека Млечный Путь – след божественного скандала. Гера, очередная супруга Зевса, знала о его похождениях «на стороне». Плодом одного из таких любовных приключений Зевса стало рождение маленького Гермеса. Гермес был замечательным малышом – и Гера, «увидев однажды дивно прекрасного малютку Гермеса, не удержалась от того, чтобы не накормить его своею грудью, – и только узнав, кого она кормит, с гневом и отвращением отбросила его. Брызнуло молоко богини, разлетелись брызги по небесной тверди: оттого и произошел Млечный Путь»⁷⁰.

Более печальна монгольская легенда о происхождении созвездия Большой Медведицы: «Гессер-богдохан посылается семь голов, отрубленных у семи черных кузнецов, а он эти семь голов варит в семи медных котлах. Делает из них чаши, оправляет эти чаши серебром. И так из семи голов вышло семь чаш, которые Гессер-богдохан наполнил крепким вином. После этого он поднялся к мудрой Манзал-Гормо, и отдал ей эти чаши, и угостил ее. Но она взяла эти семь чаш из семи голов черных кузнецов и бросила их в небо. И образовали семь чаш созвездие Долон-Обогод (Большую Медведицу)»⁷¹.

Христианство же сказало, что у звезд нет биографии. Как нет биографии у лампочки. Ни кровь, ни похоть не проступают с небес. «Огромное небо – одно на двоих»: оно для Бога и для человека. Мир прекрасен, и Творцом красота его обращена к человеческому лицу, взгляду, существованию.

Можно смотреть на звезды, думая не о войне богов, но о даре Бога.

А человек идет за плугом
И строит гнезда
Одна пред Господом заслуга:
Смотреть на звезды
(М. Цветаева.
А человек идет за плугом...)

ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИЯ: ПУТЬ К НАУКЕ

Христианство создало необходимые условия для рождения науки. Научная астрономия возможна только при условии, если звезды перестали быть богами. Законы, описывающие падение камня на земле, должны быть приложены к движению звезд. Чтобы решиться на такое и не быть наказанным (подобно древнегреческому философу Анаксагору)⁷², нужно, чтобы общество и господствующая в нем религия согласились в звездах видеть «камни», а не души (или тела или глаза) богов. «Никто, грек он или варвар, не замедлит признать, что Солнце и Луна – боги, и не только они, но еще и пять светил, которые обычно люди называют блуждающими», – полагал Апулей (*Апулей. О божестве Сократа*: 2). Но нашлись люди, переступившие табуированную черту. Это были христиане.

Под возмущенные крики языческих мудрецов («Отрицающая разумность светил, они препятствуют постижению истины», – *Плотин. Эннеады* 2, 9, 5), Церковь возгласила: «Кто говорит, что небо, солнце, луна, звезды, воды, которые выше небес, суть существа одушевленные и некоторые разумно-вещественные силы, – да будет анафема» (6-й анафема-

тизм Собора 543 г.)⁷³. Эта анафема на Востоке, равно как и осуждение аверроистов 7 марта 1277 г. парижским епископом Этьеном Тампие на Западе (п. 92 этого постановления возглашал анафему учащим, будто «небесные тела движутся внутренним принципом, каковой есть душа; они движутся подобно живому существу именно душой и ее устремленностью: потому как животное движется, поскольку стремится к чему-то, так движется и небо») расчистило дорогу научному миропониманию⁷⁴.

Научная астрономия появляется там, где движение звезд описывается не на языке психологии, а на языке математики, то есть на языке, не знающем страстей – зависти, ревности, любви...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.